

Эти пять повторений техники меча знатно всколыхнули озерную воду. Мало того что на поверхности бушевали яростные волны, так еще и на глубине образовались бесчисленные огромные водовороты, в которые Шэньху едва не затянуло несколько раз.

Особенно опасным выдался последний удар Юнь Фэймяо: если бы кое-что не заблокировало эту атаку вместо гуся, тот, чего доброго, прямо на месте исходил бы кровью.

— Он, кажется, напрочь обо мне позабыл, до чего же бессовестный! — Шэньху едва не плакал от обиды.

— Сначала он ощутил мимолетное просветление, затем заключил контракт с натальным мечом, а следом принял наследие и теперь всю усваивает его. Разве не естественно, что в такой момент он позабыл о тебе? — глухой, древний голос раздался прямо возле уха Шэньху. Гусь повернул голову, и в его черных глазах-бусинках мгновенно вспыхнул огонек искренней радости.

— Старец Черепаха! Я как раз собирался притащить этого мальчишку к вам, никак не ожидал, что вы сами явитесь, да еще и жизнь мне спасете.

Встретив уважаемого старшего, Шэньху не удержался от жалоб:

— Мне и раньше доводилось видеть, как люди принимают наследие, но все они в этот момент твердо стояли на земле. Чтобы кто-то принимал его, просто покачиваясь в воде — такое я вижу впервые. Я и подумать не мог, что этот пацан действительно умеет обращаться с мечом. Когда я увидел, что он способен призвать духовный меч для контракта, мне это показалось настоящим чудом, вот я и подобрался поближе, чтобы рассмотреть всё получше. Кто же знал, что стоит мне подойти, как сбежать потом уже не получится.

Исполинская черепаха в воде аж лишилась дара речи от таких слов:

— Подумать он не мог! И как это тебе не пришло в голову? Всякий, кто входит в усыпальницу мечей нашей секты Ванцзянь, является заклинателем меча! Разве это не прописная истина?

— Но он ведь крутит иллюзиями еще ловчее, чем я, вот я и решил, что он забрел сюда по ошибке, — тихонько пробурчал Шэньху.

Черепаха уважительно вздохнула:

— Клан Юнь — один из восьми древних родов. Очищение и исцеление — вот истинные врожденные навыки большинства потомков этого клана, а искусство талисманов, магия иллюзий и мастерство меча были шаг за шагом развиты последующими поколениями практикующих из рода Юнь. У этого ребенка и талант отменный, и путей для развития множество. Надо же, он ухитряется усваивать любое наследие, оставленное предками клана Юнь, так что нет ничего удивительного в том, что он пребывает под покровительством Небесного Дао.

У Шэньху аж глаза загорелись:

— Он еще и под покровительством Небесного Дао находится?

— Да. Великолепное происхождение, выдающийся талант, да еще и удача всегда при нем. Если ты заключишь с ним контракт, то определенно не прогадаешь, — в голосе черепахи проскользнули нотки легкой зависти.

Подобные им высокоранговые духовные звери обычно за всю свою жизнь заключали контракт лишь с одним-единственным человеком. Тот практик, что связал себя узами с черепахой в прежние времена, разумеется, тоже был прекрасным человеком — он блистал во всех отношениях, заставляя ее бесконечно гордиться им.

Вот только жизнь того мастера оказалась слишком короткой, а сама черепаха — чересчур долговечной, и теперь ей оставалось лишь веками таиться в этой глубокой воде, предаваясь бесконечным воспоминаниям о нем.

Порой ей казалось, что жить подобным образом довольно бессмысленно, но в то же время она панически боялась собственной смерти — ведь тогда в этом мире больше не останется никого, кто помнил бы о нем.

И пускай его имя высечено на бесчисленных каменных стелах секты Ванцзянь в рядах великих героев, молодые ученики знают лишь то, как его звали, какими техниками меча он владел и каких достижений некогда добился.

Им совершенно неведомо, как он выглядел, какие блюда предпочитал и до какой степени он боялся одиночества — боялся, что его приход в этот мир окажется напрасным и после него не останется вообще ничего.

Ведь когда он пал в бою, его божественная душа разлетелась на осколки, лишив его возможности переродиться вновь.

Именно поэтому черепаха должна была жить дальше, неизменно нести здесь свою стражу и бережно хранить в памяти каждую мельчайшую деталь, связанную с ним.

Пусть его жизненный путь и оказался мимолетным, она обязана была помочь ему сохранить величие, неподвластное векам.

Шэньху ничего не знал о мыслях великой черепахи, но, услышав столь высокую оценку в адрес Юнь Фэймяо, несказанно обрадовался.

Значит, у него действительно наметанный глаз на таланты! Первый же практик, с которым ему захотелось связать судьбу, оказался столь великолепным ростком!

К тому же этот человек сам свалился ему на спину, похоже, его собственная удача тоже была очень даже хороша!

Порадовавшись какое-то время, Шэньху вдруг замялся и кокетливо спросил:

— Старец Черепаха, так вы не могли бы сотворить гадание для того недотепы-заклинателя, о котором я вам рассказывал? Он сейчас находится в секте Ванцзянь?

Черепаха едва заметно кивнула:

— Можно. У тебя осталась какая-нибудь из его прижизненных вещей?

— Есть, есть, конечно! Вот, это его ткань для протирки меча, — Шэньху незамедлительно извлек на свет водонепроницаемую шкатулку, внутри которой покоился платок в огромный красно-зеленый цветок.

Юнь Фэймяо, который как раз убирал свой меч неподалеку, отвлекся на этот платок и из

любопытства подобрался поближе.

Впрочем, очень скоро он наткнулся взглядом на исполинский глаз, который по размерам был на целых две головы выше его собственного роста!

Юнь Фэймяо знатно струхнул, но тут же вспомнил слова Шэньху о божественном звере-хранителе секты и поспешно похлопал себя по груди, заставляя как можно скорее успокоиться.

От пестрого платка у великой черепахи тоже слегка рябило в глазах, однако она была весьма умудренным опытом существом, а потому быстро и невозмутимо достала предназначенный для гаданий черепаший панцирь и медные монеты, принимаясь за предсказание.

В процессе гадания она невольно улыбнулась:

— А этот малый довольно забавен. Изначально он был обычным странствующим воином в мире смертных. Ради спасения людей он ворвался в пещеру злого практика и по ошибке проглотил чудодейственное лекарство, которое тот приготовил для улучшения собственных костей, благодаря чему у него удивительным образом зародился самый низкосортный водяной духовный корень из пяти элементов. Небесное Дао тех краев сжалилось над ним и в тот самый миг, когда злой практик готов был оборвать его жизнь, в виде исключения перенесло его на наш континент Цанлань.

Он всем сердцем стремился постичь путь меча и по собственной воле вступил в секту Ванцзянь — пусть даже ему досталось место всего лишь слуги, он принимал это с величайшей радостью.

Затем он потратил целых пятьдесят лет, упорным трудом пробивая себе дорогу во внешние ученики. Вслед за этим ушло еще сто лет, прежде чем он смог сдать экзамен во внутренний круг секты.

На протяжении всего этого времени его духовный корень оставался самым худшим среди всех учеников, однако он упрямо, за счет одной лишь закалки тела и мастерства меча, сумел прорубить себе собственный путь.

Жаль только, что все внутренние ученики после достижения стадии Золотого Ядра обязаны отправляться в пограничные земли для истребления демонов — там он и окончил свой путь на поле брани.

Во втором своем воплощении он переродился уже с низкосортным духовным корнем из четырех элементов и стал слугой в секте Великого Клинка. К сожалению, к технике сабли у него совершенно не лежала душа, из-за чего он до самого конца оставался обычным внешним учеником и в итоге вновь погиб, спасая чужую жизнь.

В нынешней же жизни он родился с низкосортным духовным корнем из трех элементов. Еще до того, как приступить к тренировкам, он едва не лишился жизни ради спасения людей, но, к счастью, был подобран одним из старейшин внешнего круга секты Ванцзянь. Стоило ранам затянуться, как его определили в слуги секты Ванцзянь, из-за чего ему так и не довелось войти в это тайное царство Меча погребения.

— Похоже, перед нами еще один ребенок, любимый Небесным Дао. Пока он остается столь же праведным и честным, как и в прошлых двух воплощениях, его врожденные данные от жизни к жизни будут становиться всё лучше и лучше.

— До чего же круто! — Юнь Фэймяо невольно восхитился.

Вот это и был истинный заклинатель меча, идущий напролом сквозь любые преграды! В каких бы скверных условиях он ни оказывался, он, кажется, всегда был способен прорубить свою собственную дорогу.

Юнь Фэймяо искренне восторгался подобными людьми, но сам он стать таким, пожалуй, не сумел бы.

Он считал, что в обычной жизни трудится весьма усердно, но происходило это лишь потому, что он прекрасно знал о своих сносных талантах и понимал: его усилия непременно принесут плоды.

Будь у него, как у того благодетеля Шэньху, самый низкосортный духовный корень из пяти элементов, он, скорее всего, умолил бы родителей подыскать способ отправить его в мир смертных, чтобы прожить там безбедную жизнь богатого бездельника, со всеми удобствами и радостями разменяв свой век.

С высокосортным корнем из пяти элементов еще можно было бы побороться, но с низкосортным — пиши пропало, из него ведь даже крупицу духовной энергии толком не вытянешь.

Черепаша с улыбкой произнесла:

— У каждого своя предначертанная судьба. Тот заклинатель меча, которого встретил этот гусенок до своего появления на свет, изначально не имел предрасположенности к бессмертию, и раз уж ему внезапно достался этот судьбоносный шанс, ему волей-неволей приходилось прикладывать в разы больше усилий, чем остальным.

Что же касается клана Юнь, то из поколения в поколение ваши люди жертвовали собой ради защиты континента Цанлань. Если бы накопленных ими добродетелей не хватало даже на то, чтобы оберегать собственных потомков, это неизбежно ранило бы чужие сердца.

При этих словах великая черепаха невольно вновь вспомнила о своем старом друге, чья божественная душа развеялась без следа, и у нее вмиг пропало всякое желание беседовать с младшим поколением.

— Что ж, раз уж ты заполучил свой натальный меч, то пришел черед уходить. В знак нашей мимолетной встречи я подарю юному другу еще один судьбоносный шанс, а в будущем попрошу тебя хорошенько позаботиться об этом гусенке.

Стоило голосу черепахи утихнуть, как Юнь Фэймяо ощутил, что его и Шэньху со всех сторон окружило великое множество крошечных водяных брызг.

Эти брызги плотным кольцом обступили их и принялись дружно и стремительно выталкивать вверх.

Неужели уже пора уходить?

Юнь Фэймяо почувствовал легкую грусть — он ведь еще даже не успел толком поприветствовать старца Черепаху.

Но вспомнив утомленный и полный печали взгляд древнего существа, он рассудил, что лучше

проявить чуткость и не тревожить его попусту.

Сколько бы великих легенд и героев ни взрастила секта Ванцзянь, за каждой из них неизменно крылись колоссальные потери, кровь и слезы.

Те, кому суждено было стать божественными зверями-хранителями секты, в большинстве своем просто тосковали по ушедшим друзьям и из-за оставшихся в сердце привязанностей были не в силах совершить вознесение.

<http://bllate.org/book/17668/1657914>